

УДК 81`37:82-93

**РЕБЯТА VS ДЕТИ,
ИЛИ О СООТНОШЕНИИ «ВЗРОСЛЫХ» И «ДЕТСКИХ»
РЕГУЛЯТИВНЫХ ОБРАЩЕНИЙ
(на материале журналов для детей «Еж» и «Чиж» 1928–1941 гг.)**

Александра Андреевна Брыкова

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7. kakoslik88@yandex.ru

В статье описывается регулятивное обращение *ребята*, характерное для речевого этикета первой половины прошлого века. На материале журналов для детей «Еж» и «Чиж» (1928–1941) показывается, что речевой этикет, обслуживающий речевое взаимодействие детей, формируется на основе оппозиции «ребята – дети». Указанная оппозиция отражает социально-исторические представления о детях, расширяющие денотативное значение слова *ребята*, а также представления о включенности / невключенности ребенка в общество по ряду социальных параметров. Оппозиция «ребята – дети» тождественна оппозициям «товарищ – господин», «товарищ – гражданин», обнаруживающимся в основе «взрослого» речевого этикета и отражающим значимые изменения в советском обществе, в частности, стремление сделать ребенка полноправным членом этого общества.

Ключевые слова: речевой этикет; обращение; регулятивы; семантические изменения; детская литература.

Возможности грамматического и лексического наполнения позиции обращения практически безграничны, что объясняет необходимость функционального деления обращений с опорой на представления о речевом этикете. Так, обращения-регулятивы¹ (по терминологии В. Е. Гольдина – см. подробнее: [Гольдин 2009]) считаются основой речевого этикета как выполняющие функцию установления и поддержания контакта. Регулятивы, испытывая большое влияние внеязыковых факторов, очень чувствительны при этом к историческим и социальным изменениям в обществе, которое обслуживает речевой этикет.

Одним из весьма интересных источников исследования лексического наполнения позиции обращения и прагматических возможностей обращения выступают детские журналы, особенно те, которые издавались в период значительной социальной перестройки.

«Еж» (1928–1935) и «Чиж» (1930–1941) – два ленинградских журнала, пользовавшиеся огромной популярностью среди читателей-детей: «Чиж» был рассчитан на читателей младшего возраста, «Еж» – на читателей старшего. В ред-

коллегию журналов входили выдающиеся мастера слова: С. Я. Маршак, К. И. Чуковский, Д. Хармс, А. Введенский, В. Бианки, Е. Чарушин, Н. Радлов, В. Коношевич и др. Эти советские детские журналы показательны еще и тем, что их достаточно явная дидактическая установка обнаруживается в том числе и на речевом уровне.

Советская воспитательная модель предполагала активное включение детей во взрослую жизнь. Горячие дискуссии 30-х гг. прошлого века относительно роли детской литературы сводились к тому, что детская литература должна способствовать формированию нового советского человека, патриотичного и деятельного: «... наши ребята уже в возрасте октябрят начинают принимать участие в практической работе по построению будущего. Разумеется, это работа – еще полуйгра, полузабава, но все же в известной степени – работа» [Горький (цит. по: Путилова 1982: 55)]. Подобное отношение к детям (следствием которого, в частности, стало создание различных детских организаций) не могло не отразиться и на речевом этикете. Помимо большого количества неологизмов типа *очаговец*, *октябренок*, *пионер*, в активное употребление вошло также

слово *ребята*, которое по своему лексическому и референциальному значению и по правилам употребления в качестве обращения было во многом тождественно слову *товарищи*.

В Словаре Д. Н. Ушакова (далее – СУ), который выходил в те же годы, что и журналы «Еж» и «Чиж», слово *ребята* определяется так: «разг. Молодые люди, парни // Товарищи по учёбе, работе и т. п. (употребляется среди молодёжи; нов.)» + «мн. ч. от ребёнок» [Ушаков 1939, III: 1305–1306]. Слово *ребята* весьма частотно в исследованном материале, особенно в контекстах из журнала «Чиж», что показательно, так как «Чиж» был ориентирован на детей младшего возраста 5–7 лет; следовательно, узусное значение слова предполагало совмещение приведенных словарных значений и включение в круг референтов в основном детей дошкольного и младшего школьного возраста. В материалах журнала «Еж» лексема *ребята*, напротив, встречалась довольно редко как в качестве обращения редакции к читателям или читателей друг к другу, так и внутри художественной коммуникации. Чаще всего в этих случаях отмечалось обращение *товарищи*.

Слово *ребята* использовалось в позиции обращения и при обращении взрослых к детям (в том числе и работников редакции), и детей к самим себе (саморепрезентация), самостоятельно и с приложением в уточняюще-классифицирующей функции: *Ребята, редакция журнала «Чиж» просит очаговцев писать о том, как они живут и работают* (Чиж, 1932, 4–5)²; *Ребята-дошкольники! Присылайте в Чиж свои стихи и рассказы* (Чиж, 1933, 5); *Ребята очаговцы и школьники! Как вы помогаете колхозу?* (Чиж, 1932, 1); *Эй, ребята, октябрята, радиолюбители! Направляйте вы свои громкоговорители!* (Чиж, 1931, 6).

Частотность употребления слова *ребята* позволяет говорить о том, что для определенного периода времени это слово являлось не просто возможным этикетным обращением, но и культурным знаком, указывающим на включенность тех, кого им называют, в новую социальную систему, о чем, в числе прочего, свидетельствует тот факт, что определение слова *ребята*, данное в СУ, предполагает, что *ребята* и *товарищи* выступают в качестве взаимозаменяемых понятий.

Помимо одиночного употребления, слово *ребята* в позиции обращения фиксировалось в словосочетаниях с зависимыми этикетными прилагательными: *Дорогие ребята! Спасибо за рассказы и рисунки, а Юре Кожину ещё отдельно – за игрушку* (Чиж, 1939, 2). Такие сочетания являлись устойчивыми в рамках речевого этикета при

обращении редакции к читателям или же в эпистолярном жанре. Наличие этикетного прилагательного *дорогой* со словом *ребята* укрепляло его в позиции ядерного этикетного обращения еще и потому, что такие же этикетные словосочетания допускались и со словом *товарищи* – маркером «взрослого» речевого этикета: *Дорогой товарищ Сталин, / Я письмо тебе пишу* (Чиж, 1938, 11); *Пишите меня, дорогой товарищ, добровольцем в красноармейский отряд* (Чиж, 1933, 11); *Милые товарищи! Вы должны меня извинить, что я так долго не писал, но я не имел для этого денег и времени* (Еж, 1931, 8).

Отдельного упоминания требует и тот факт, что в широкое употребление слово *ребята* начало входить только в 20-е гг. XX в.: «Прежде, обращаясь к малышам, мы всегда говорили: дети. Теперь это слово повсюду вытеснено словом ребята. Оно звучит и в школах и в детских садах, что чрезвычайно шокирует старых людей, которые мечтают о том, чтобы дети снова назывались детьми. Прежде ребятами назывались только крестьянские дети (наравне с солдатами и парнями)» [Чуковский 2010: 22]. Значимость слова *ребята* отражается в том числе и в стилистически неуместных употреблениях, которые были зафиксированы в исследованном материале: *Букет ему очень понравился, и Киров сказал девочкам: «Спасибо вам, ребята, за цветы»* (Чиж, 1934, 12).

Анализ контекстных употреблений слова *дети*, упомянутого К. И. Чуковским, в позиции обращения, которое в СУ определено как ‘малолетние’, также значим, потому показывает, что в узусе (по крайней мере в рамках исследуемых журналов) слово приобретает и другие дополнительные значения, характеризующие не только тех, кого называют, но и тех, кто называет: *И ответил Петя: «Дети! Так и быть уж, объясню»* (Чиж, 1932, 11–12). Тем самым речевой этикет в сфере общения детей формируется на оппозиции «ребята – дети».

Возможность формирования оппозиции «ребята – дети», вероятно, определяется лингвистическим замечанием К. И. Чуковского, цитированным выше, касающимся денотативных отношений слова *ребята* и слова *дети*. Детьми чаще называли детей дворян (в первую очередь в рамках семейной коммуникации), что можно также видеть в некоторых контекстах из рассказов журналов «Чиж» и «Еж», где действие либо относится к досоветскому периоду, либо герои не являются советскими гражданами: *За обедом отец и говорит: – А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?* (Чиж, 1941, 1) [рассказ Л. Н. Толстого. – А. Б.]; *– Здравствуйте, дети*

[учительница словесности, бывшая купчиха. – А. Б.], – сказала она басом (Еж, 1931, 21) [рассказ Л. Пантелеева «Последние халдеи». – А. Б.]. Последний из приведенных примеров показателен тем, что характеризует адресанта сообщения как человека, не вписывающегося в советское общество и требующего осуждения. Таким образом, оппозиция «ребята – дети» основывается на онтологическом противопоставлении своего и чужого, хорошего и плохого.

Возможности жанрового употребления обращения *ребята*, в свою очередь, значительно расширяются. Помимо современных бытовых повестей и рассказов, опубликованных в рассматриваемых журналах, оно появляется также в исторических жанрах применительно к лицам дворянского происхождения: *Горецкий кивнул товарищам [кадетам. – А. Б.]. <...> – Тащите, ребята! – скомандовал он* (Еж, 1931, 8). Такое использование слова *ребята* в позиции обращения по отношению к положительным героям показательно и, вероятно, имеет целью уменьшить границу между временем повествования и историческим временем потенциального читателя-ребенка. Подобного рода адаптация речевого этикета другой эпохи (с сохранением его основных черт, использованием слова *господин* в частности) делает героев для читателей более понятными и социально близкими, создавая соответствующий образ героя.

Вторым основанием для формирования указанной оппозиции в рамках семантических отношений слов *ребята* и *дети* становится семантика невключенности в общественную систему ввиду возраста и недостатка знаний: *Дети, – сказала Мария Александровна, – никогда не надо кричать: «Я, я.» Надо всегда поднимать руку* (Чиж, 1932, 11–12); *Ребята побежали за машиной. Ольга Петровна сказала: – Дети, стоп! Нельзя бежать за машиной* (Чиж, 1939, 4); *Выбежала мама, выбежала тетя: – Мальчики, дети, чего вы орете?* (Чиж, 1935, 9). Примеры показывают, что детьми в позиции обращения называют чаще тех, кто не знаком с правилами этикета и поведения или не обладает достаточными общими знаниями и поэтому еще полностью не включен в социальную систему общества. Указанные оттенки значения появляются у слова *дети* в позиции обращения только в случае одиночного использования. Если же в позиции обращения слово появляется с несогласованными определениями уточняющего характера, оно теряет дополнительные смыслы и выступает как форма мн. ч. от *ребенок, дитя* в соответствии со словарным определением: *Дети рабочих – немцев, французов! Дети китайцев, негров, инду-*

сов! Дети рабочих, готовьтесь на деле к Международной Детской Неделе (Еж, 1931, 8).

Речевой этикет в области детской коммуникации несамостоятелен и во многом формируется под воздействием речевого этикета взрослых членов общества. Так, возможность возникновения оппозиции «ребята – дети» легитимируется тем, что «взрослый» речевой этикет также формируется во многом с опорой на историко-социальные, и как следствие, выраженные на лексическом уровне оппозиции: *товарищ – господин, товарищ – гражданин*, где слово *господин* является регулятивным маркером предшествующей социальной системы и актуализирует оппозицию «свой – чужой», а слово *гражданин* внутри формирующейся системы – оппозицию, которую несколько условно можно назвать «хороший – плохой».

Обращение *господин* активно используется в исторических повестях, которые довольно часто появляются на страницах журнала «Еж» вместе с современными бытовыми повестями и рассказами о социалистическом строительстве, где фигурирует обращение *товарищ*³ – одиночно или в сочетании с именем собственным: – *Я к вам по делу, господин Борзов* (Еж, 1931, 2); – *Господин капитан, вверенная мне вторая рота занимается строевым учением* (Еж, 1931, 9); **ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!** *Пионеры и школьники и комсомольцы <...> шлют вам горячий привет* (Еж, 1931, 3); *Вам, товарищ Сергей* [С. М. Киров. – А. Б.], *партия поручает устроить подпольную типографию* (Чиж, 1934, 12).

Слова *гражданин*, в свою очередь, чаще всего появляется в запретительных прямых или косвенных императивных контекстах с отрицательными предикатами: *А Карабас уже схватил Пьеро за ногу. – Не трогайте куклы, гражданин! Они не продаются!* – сказала бабушка Дуня и отняла у него Пьеро (Чиж, 1938, 8); *Гражданин, не толкайтесь!* (Еж, 1928, 10). Потенциальная негативная коннотация поддерживается также возможностью свободного выбора в рамках нейтральной коммуникации между словами *гражданин* и *товарищ*, обладающими вполне свободной сочетаемостью с одушевленными существительными м. р. для слова *гражданин* и м. и ж. р. для слова *товарищ*. При этом лексема *товарищ* социально окрашена, тогда как лексема *гражданин* скорее нейтральна в рамках языковой системы (имеющихся словарных значений) и больше соответствует роли собственно этикетного обращения.

Таким образом, исследование регулятивных обращений определенной исторической эпохи, особенно эпохи становления нового речевого

этикета, позволяет проследить значительные семантические и денотативные сдвиги в лексических значениях отдельных слов, а также посредством собственно языковых фактов высветить социальные особенности эпохи. Одной из таких особенностей для советского общества стало новое отношение к детям, стремление сформировать у них чувство самоопределения, где не последнюю роль играет отношение противопоставления, в связи с чем вчерашние дети становятся сегодняшними ребятами.

Примечание

¹ Если принцип разделения обращений на этикетные и неэтикетные практически не подвергается критике (см., например: Балакай 2002, Балакай 2005), то синтаксический статус обращения до сих пор остается дискуссионным (см.: Арутюнова 1999, Велтистова 1968, Дмитриева 1976, Дохова 2007, Проничев 1971, Руднев 1959, Рыжова 1982, Шахматов 2011 и др.). Так, в числе прочего, обращение, как и другие этикетные речевые формулы, квалифицируются как речевые акты с собственной иллокутивной и перлокутивной целями (см., в частности: Минина 2000, Формановская 2002), что представляется наиболее убедительным.

² Здесь и далее ссылки на источники даются таким образом: (Название, год, номер).

³ Слово *товарищ* в СУ имеет следующее определение: «член советского общества, всякий, кто, вместе с другими, участвует в общей советской работе (нов.)», также после знака оттенка «без упоминания имени или звания – обращение к любому взрослому, постороннему, незнакомому человеку в советской среде (за исключением случаев, когда известна или предполагается его принадлежность к чужой социальной среде; нов. разг.)» [Ушаков 1940, IV: 719–720]. Как видно из определения, слово *товарищ* имеет ярко выраженные коннотации, потенциально актуализирующие онтологическое противопоставление «свой – чужой».

Список источников

Еж. Ежемесячный журнал для детей старшего возраста. Л.: Гос. изд-во, 1928–1935.

Чиж. Ежемесячный журнал для детей младшего возраста. Л.: Гос. изд-во, 1930–1941.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Номинация – обращение // Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 115–120.

Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантические и лексикографические

аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2005. 22 с.

Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Орел, 2002. 40 с.

Велтистова А. В. Обращение в современном английском языке (в сопоставлении с русским): дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1964, 28 с.

Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2009. 127 с.

Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Лекции. Л.: ЛГПИ, 1976. 48 с.

Дохова З. Р. Лингвистический статус обращений (на материале русского и кабардино-черкесского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2007. 21 с.

Минина О. Г. Обращение в современном английском языке. Коммуникативно-прагматический аспект. Белгород, 2000. 15 с.

Проничев В. П. Синтаксис обращения. (На материале рус. и сербохорват. яз.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 88 с.

Путилова Е. О. Очерки по истории критики детской литературы, 1917–1941. М.: Детская лит., 1982. 175 с.

Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М.: Учпедгиз, 1959. 198 с.

Рыжова Л. П. Обращение как компонент коммуникативного акта: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982. 15 с.

Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Гос. изд-во иностр. и нац. словарей (т. 2–4), 1935–1940.

Чуковский К. И. Живой как жизнь: о русском языке. М.: Зебра Е, 2010. 303 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: URSS Изд-во ЛКИ, 2011. 620 с.

References

Arutjunova N. D. Nominatsija – obrashhenie [Nomination as a form of address]. Jazyk i mir cheloveka [Language and a human's world]. Moscow: Jaz. rus. kul'tury Publ., 1999. P. 115–120.

Balakaj A. A. Etiketnye obrashhenija: funkcional'no-semanticheskie i leksikograficheskie aspekty. Avtoref. dis. kand. fil. nauk [Etiquette forms of address: functional, semantic and lexicographical aspects. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Novokuznetsk, 2005. 22 p.

Balakaj A. G. Russkij rechevoj etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisaniya. Avtoref. dis. dokt. fil. nauk [Russian speech etiquette and its lexicographical description principles. Synopsis of Dr. sci. diss.]. Orel, 2002. 40 p.

Chukovskij K. I. Zhivoj kak zhizn': o russkom

jazyke [Alive like life: about the Russian language]. Moscow: Zebra E Publ., 2010. 303 p.

Dmitrieva L. K. Obrashhenie i vvodnyj komponent. Lektsii [Form of address and a parenthetical component. Lectures]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1976. 48 p.

Dokhova Z. R. Lingvisticheskiy status obrashhenij (na materiale russkogo i kabardino-cherkesskogo jazykov). Avtoreferat dis. kand. fil. nauk [Linguistic status of forms of address (a case study of the Russian and Kabardino-Cherkess languages). Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Nalchik, 2007. 21 p.

Gol'din V. E. Obrashhenie: teoreticheskie problemy [Form of address: theoretical issues]. Moscow: URSS LIBROKOM Publ., 2009. 127 p.

Minina O. G. Obrashhenie v sovremennom anglijskom jazyke. Kommunikativno-pragmatischekij aspekt [Form of address in the modern English language. Communicative and pragmatic aspects]. Belgorod, 2000. 15 p.

Pronichev V. P. Sintaksis obrashhenija. (Na materiale rus. i serbohorvatskogo jaz.) [Syntax of form of address. (A case study of Russian and Serbo-Croatian)]. Leningrad: Lenin. St. Univ. Publ., 1971. 88 p.

Putilova E. O. Oчерки po istorii kritiki detskoj

literatury, 1917–1941 [Essays on the history of children's literature criticism, 1917–1941]. Moscow: Detskaja literatura Publ., 1982. 175 p.

Rudnev A. G. Sintaksis oslozhnjonnogo predlozhenija [Syntax of a complicated sentence]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1959. 198 p.

Ryzhova L. P. Obrashhenie kak komponent kommunikativnogo akta. Avtoreferat dis. kand. fil. nauk [Form of address as a communicative act element. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1982. 15 p.

Shakhmatov A. A. Sintaksis russkogo jazyka [The Russian language syntax]. Moscow: URSS LKI Publ., 2011. 620 p.

Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [The Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 vols.] / ed. by D. N. Ushakov. Moscow: Gosudarstvennyj institut "Sovetskaja entsiklopedija", OGIZ (vol. 1); Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarej Publ. (vols. 2–4), 1935–1940.

Veltistova A. V. Obrashhenie v sovremennom anglijskom jazyke (v sopostavlenii s russkim). Avtoref. dis. kand. fil. nauk [Form of address in the modern English language (compared to the Russian language). Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1964. 28 p.

РЕБЯТА VS ДЕТИ: CORRELATION OF «ADULTS'» AND «CHILDREN'S» REGULATIVE FORMS OF ADDRESS

(a case study of the *Jozh* and *Chizh* magazines for children, 1928–1941)

Aleksandra A. Brykova

Postgraduate Student in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University

The article considers the regulative form of address *rebjata* as a characteristic feature of the first half of the 20th century speech etiquette. Based on the material of the *Jozh* and *Chizh* magazines for children (1928–1941), it is shown that the speech etiquette used in children's communication was formed on the basis of the opposition "*rebjata – deti*". This opposition reflects some social and historical concepts, which extend the denotative meaning of the word *rebjata* and also the understanding of inclusion/non-inclusion of a child into the Soviet society according to some social parameters. The opposition "*rebjata – deti*" is identical to the oppositions "*tovarishch – gospodin*", "*tovarishch – grazhdanin*", found in the adults' speech etiquette and reflecting some social changes within the new society, including an intention to make a child a competent member of the society.

Key words: speech etiquette; form of address; regulative form of address; semantic changes; children's literature.